

В. Н. Васильев
Г. Т. Обыденнова
В. К. Фёдоров

**Курганы в окрестностях села Верхняя Кардаилловка на р. Урал
(по материалам раскопок 1993 года) и заметки к хронологии опорных
комплексов второй половины IV в. до н.э.**

В статье публикуются материалы двух курганов эпохи ранних кочевников из Южного Зауралья. Находки в них клинкового оружия «переходных» типов позволили вновь вернуться к вопросу о хронологии комплексов с подобными мечами и кинжалами. Проведенный анализ показал устойчивую связь находок мечей и кинжалов с тупоугольными и дуговидными перекрестьями, с прямыми перекрестьями и прямыми навершиями в комплексе с определенным набором предметов, в который входят, в частности, зеркала двух типов (5.3 по А. С. Скрипкину и «Темир»), керамические сосуды с высоким каннелированным горлом. Кроме того, есть все основания полагать, что ранние формы клинков с типичной прохоровской рукоятью появляются не позже последней четверти IV в. до н.э. и короткое время сосуществуют с вышеназванными типами.

Ключевые слова: Южное Зауралье, ранние кочевники, погребальный обряд, курганы, клинковое оружие, керамические сосуды, наконечники стрел, хронология.

Введение

Село Верхняя Кардаилловка¹ находится в Кваркенском районе Оренбургской области, на левом берегу р. Урал. Многочисленные курганные могильники, располагающиеся в его окрестностях (рис. 1), исследовались уфимскими археологами в 1980—1990-х гг. Первые 6 могильников, находящиеся к югу от села, на высокой коренной террасе берега р. Урал, были открыты разведочным отрядом Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР (ИИЯЛ БФАН СССР) под руководством В. Н. Васильева в 1984 г. [3].

В 1987 г. отрядом ИИЯЛ БФАН СССР под руководством В. А. Иванова два кургана были раскопаны [5]. Один курган с каменным ящиком эпохи бронзы из могильника Верхнекардаилловский I был опубликован [12, с. 217—218, рис. 3, 6, 5, 7—8].

Раскопки курганов могильника Верхнекардаилловский II впервые были проведены совместным отрядом Башкирского государственного объединенного музея (БГОМ) и отдела археологии ИИЯЛ БНЦ УрО РАН под руководством В. Н. Васильева и В. К. Фёдорова в 1991 г. [6]. Было раскопано 3 кургана (№ 2—4), материалы раскопок опубликованы [11].

Летом 1993 г. раскопки курганов в окрестностях села проводил отряд Башкирского государственного педагогического института (БГПИ) под руководством Г. Т. Обыденновой. Были исследованы относящиеся к эпохе ранних кочевников курган № 1 могильника Верхнекардаилловский II и одиночный курган Верхнекардаилловский VII (рис. 2).

Задачи, методы исследования

Основной задачей является введение в научный оборот новых материалов эпохи ранних кочевников в Южном Зауралье. При интерпретации материалов на первое место выступила проблема уточнения хронологии раннепрохоровских комплексов с клинковым оружием. Для решения этой проблемы проведено сопоставление верхнекардаилловских находок с материалами опорных комплексов с территории Южного Урала, в которых

¹ Встречаются написания Верхне-Кардаилловка, Верхне-Кардаилово, Верхнекардаилловка.

найлены мечи и кинжалы «переходных» типов. При этом использованы методы сравнительный, дедуктивный, индуктивный, а также методы анализа и синтеза.

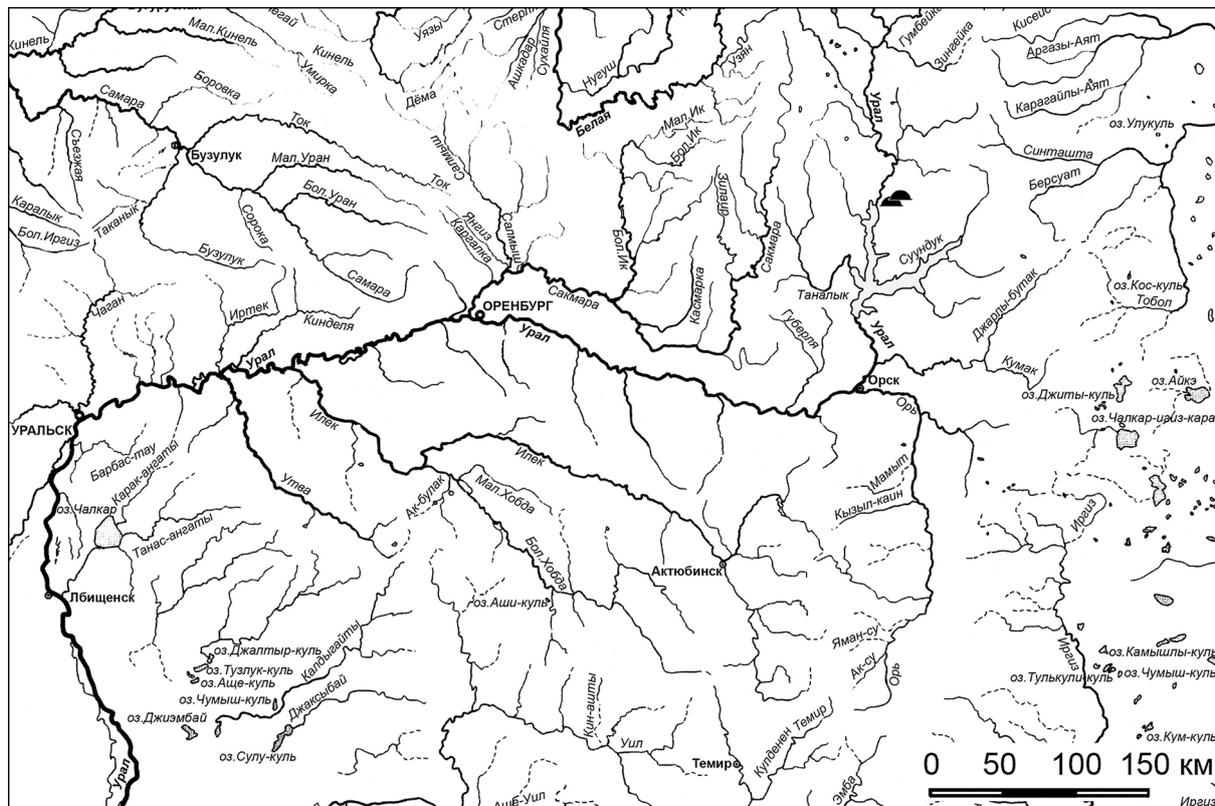

Рис. 1. Местоположение могильников у села Верхняя Кардайловка

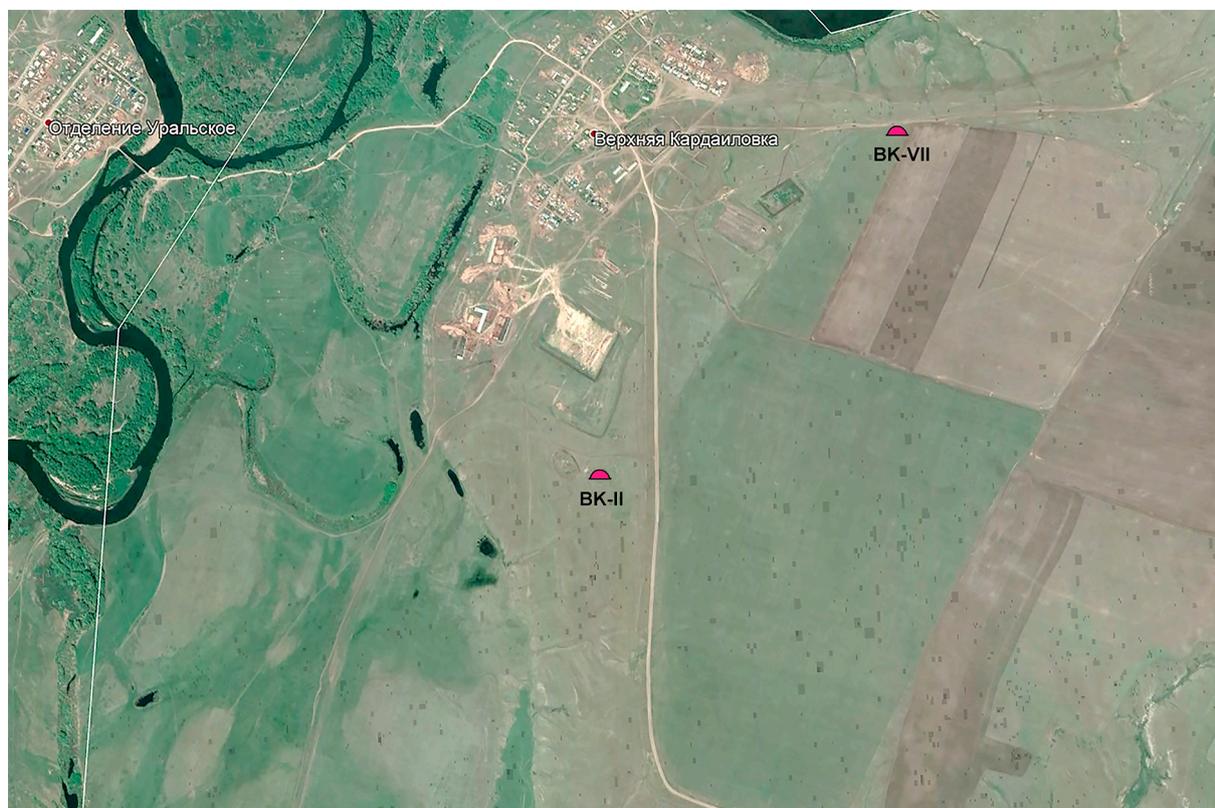

Рис. 2. Местоположение могильников Верхнекардайловский II и Верхнекардайловский VII в окрестностях села Верхняя Кардайловка

Материалы раскопок

Могильник *Верхнекардаиловский II* расположен в 1 км к югу от деревни на коренной мысообразной террасе левого берега р. Урал. Он состоял из четырех раннекочевнических курганов, расположенных неровной цепочкой, вытянутой по линии северо-восток — юго-запад. Ныне все курганы исследованы. Место расположения могильника имеет у местного населения устойчивый микротопоним «Бычья яма», так как в течение многих лет служило скотомогильником.

Курган № 1 являлся крайней юго-западной насыпью в цепочке курганов. Имел диаметр 12 м, высота по данным нивелировки 0,41 м. Насыпь земляная, в ней видно много камней (рис. 3). Раскапывался вручную (начальник раскопа Л. И. Муравкина).

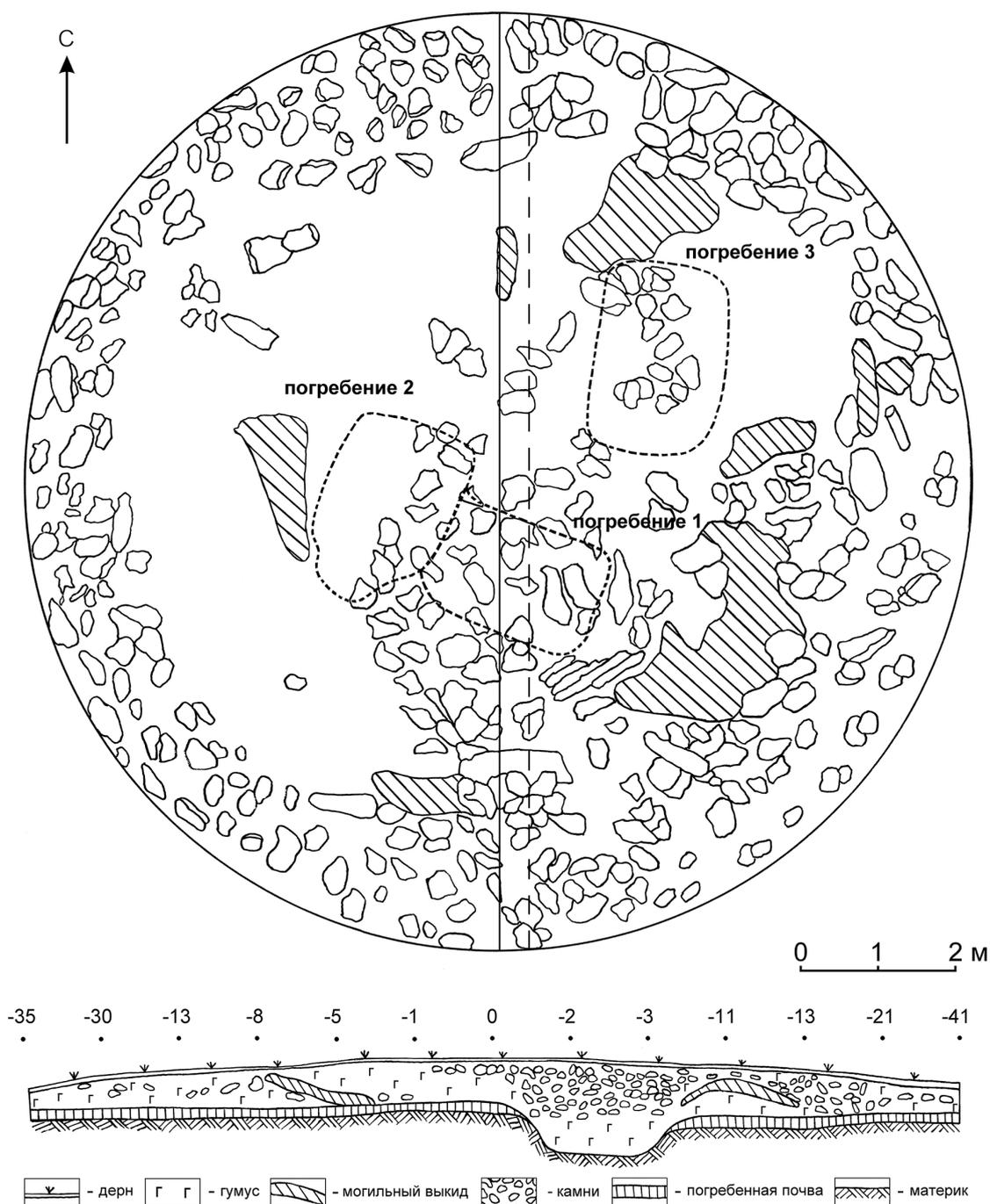

Рис. 3. Могильник Верхнекардаиловский II. Курган 1, план и профиль

Для стратиграфических наблюдений была оставлена одна меридиональная бровка шириной 0,25 м, профиль кургана изучался по ее восточной стороне.

Стратиграфия кургана:

1. Дерн — 0,05—0,1 м;
2. Гумус, насыщенный камнями, — 0,2—0,68 м;
3. Погребенная почва — 0,1—0,16 м;
4. Материк — желтый гравий.

На расстоянии 3,4 м к северу от южной границы профиля в погребенной почве и материке разрыв длиной 1,68 м — яма погребения 1. С двух сторон от ямы в толще насыщенного камнями гумуса имеются две линзы материкового гравия. Первая, на расстоянии 0,2 м к югу от края могильной ямы, имела дуговидную форму. Длина ее 1,77 м, мощность до 0,16 м. Вторая — на расстоянии 2 м к северу от могильной ямы полого спустилась в сторону погребения от границы с дерном к погребенной почве. Ее длина 1,48 м, мощность — также до 0,16 м. Очевидно, что обе линзы представляют собой могильный выкид из погребения 1.

Насыщенность камнями гумуса, из которого сложена насыпь, судя по профилю, неравномерна. Южная часть профиля насыщена ими больше северной, причем наибольшей густоты она достигает над ямой погребения 1. Камни лежат сверху и на южной линзе выкида (под линзой камней нет).

При раскопках проводились также планиграфические наблюдения. Они показали, что камни в насыпи не образовывали сплошного панциря. Они концентрировались преимущественно у краев насыпи, по ее периметру, полосой примерно от 1 до 2 м шириной. Также в центре кургана была каменная наброска, перекрывавшая погребение 1. Поскольку погребение разграблено, а каменная наброска над ним, судя по плану и профилю, очень мощная, происхождение этих камней может быть более поздним (ими могла быть закидана яма, оставшаяся от ограбления).

В толще насыпи зафиксированы участки (пятна) желтого материкового гравия, являющиеся выкидами из трех погребений кургана, планиграфия отражает расположение пятен выкидов на уровне верхней части насыпи (непосредственно под дерном) (рис. 4). Самое обширное пятно размером 2,58×1,68 м находилось в юго-восточной части насыпи. С юго-запада к нему примыкают три меньших пятна размерами 1,4×0,48 м, 1,2×0,2 м и 0,48×0,48 м. Расположение погребений показывает, что обширное пятно — выкид из погребения 1, а меньшие пятна — выкид из погребения 3. Из этого погребения грунт выбрасывался преимущественно в сторону, расположенную к северу от него, где планиграфия зафиксировала большое пятно гравия размером 2,08×1,36 м.

Пятна выбросов, линзы от которых зафиксированы на профиле, имеют небольшие размеры: северное — 1,0×0,24 м, южное — 1,20×0,48 м. Судя по расположению погребений, северное пятно — выкид из погребения 3, а южное — из погребения 1.

В западной поле большое пятно гравия размером 2,13—0,5 м является выкидом из погребения 2, поскольку оно располагается непосредственно у его западного края.

Под насыпью выявлено 3 погребения (рис. 4).

Погребение 1 располагалось в центральной части кургана, несколько к югу от его условного центра. Прямоугольная с закругленными углами яма размером 1,76×1,34 м была ориентирована по линии юго-восток — северо-запад с небольшим смещением (восток-юго-восток — запад-северо-запад). Длинные стенки наклонные, глубина 0,5 м в материк. Погребение сильно нарушено, в нем все разворошено. Поскольку череп с нижней челюстью погребенного в этой могиле, а также некоторые другие кости и вещи из погребения 1 найдены в восточной части могильной ямы погребения 2, «срезавшей» се-

веро-западную короткую стенку погребения 1, можно предполагать, что покойник в погребении 1 лежал головой к северо-западу.

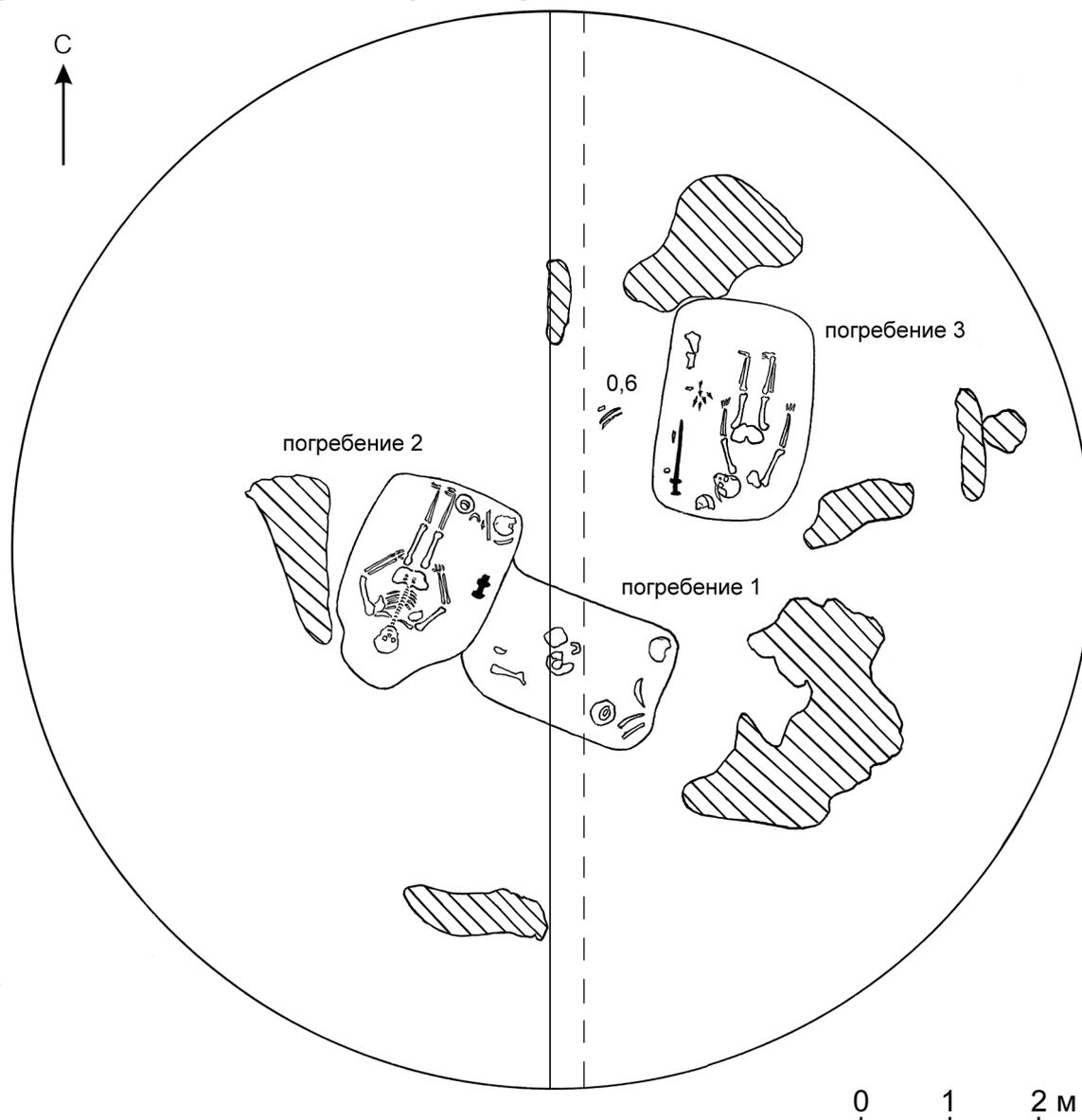

Рис. 4. Могильник Верхнекардаиловский II. Курган 1, план подкурганной площадки с погребениями и пятнами могильных выкидов

Кроме разрозненных костей человека в яме найдены фрагменты двух сосудов.

Сосуд 1 собран почти целиком, за исключением донной части. Имел округлую форму, отогнутый раструбообразный венчик. В месте присоединения венчика к тулову — с внутренней стороны острое ребро. Край венчика закруглен, тулово в верхней части украшено двумя «напльвами», образованными тремя рядами прямых каннелюр. Ниже еще два «напльва», также образованных тремя рядами волнистых каннелюр. Цвет серый, глиняное тесто плотное, с примесью песка. Диаметр венчика 13 см, тулова 21,5 см, сохранившаяся высота 22,5 см. Толщина стенок 0,6 см, венчика — до 1,3 см. Судя по конфигурации придонной части сосуда, дно его могло быть округлым. Но оно могло быть и плоским, поскольку сосуд из кургана Верхнекардаиловский VII, во всем подобный описываемому, имел подлепленное плоское днище (рис. 5, 1).

Сосуд 2 сохранился значительно хуже. Из фрагментов собрана придонная часть с плоским дном и частично венчик (3 фрагмента). Основная часть сосуда (тулово) отсутствует. Диаметр дна 11,5 см. Поэтому реконструкция его формы несколько условна. В глиняном тесте примесь талька (рис. 5, 2).

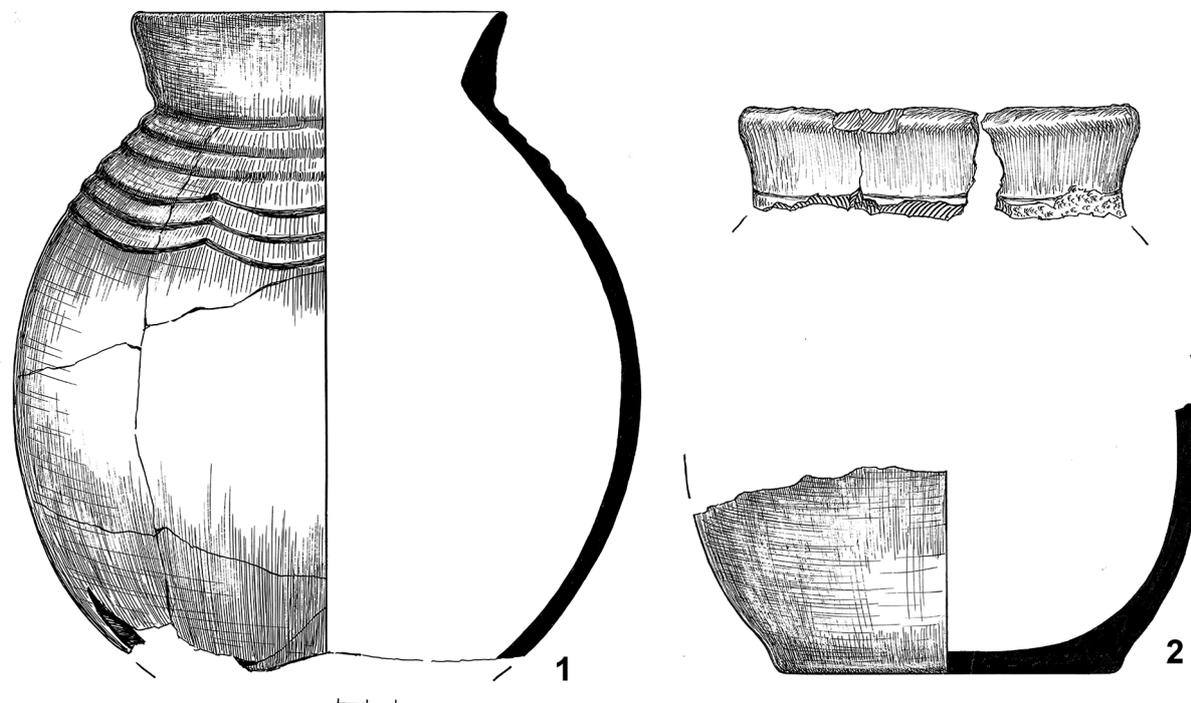

Рис. 5. Могильник Верхнекардаилловский II. Курган 1, погребение 1
1 — сосуд № 1; 2 — сосуд № 2

Погребение 2 примыкает с запада к короткой стенке погребения 1. Судя по всему, оно частично нарушило это погребение, «срезав» его головную часть, и некоторые из вещей и костей этого погребения 1 свалились в яму погребения 2. Длина могильной ямы 2,25 м, ширина 1,63 м, но эта ширина не истинная, с восточной стороны к ней прибавилась частично срезанная головная часть погребения 1. Вероятнее всего, истинная ширина могильной ямы погребения 2 не превышала 1 метра. Глубина в материк 0,7 м. Ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. Восточная стенка отвесная, западная — слегка наклонная к дну. Могила вытянутой формы, головной (юго-западный) конец закруглен, ножной (северо-восточный) — прямой с закругленными углами (рис. 6, 1).

На дне могилы вытянуто на спине лежал костяк взрослого человека, головой к юго-западу, ноги вытянуты, руки согнуты в локтях («фертом»), кисти у тазобедренных суставов. Между локтем левой руки (частично под ним) и западной стенкой находилась каменная плита прямоугольной формы размером примерно 30×20 см. У голеностопного сустава правой ноги стоял глиняный сосуд (рис. 6, 2).

Сосуд яйцевидной формы с плоским дном. Дно подлеплено снаружи. Сверху на острый конец «яйца» налеплено узкое цилиндрическое горлышко с закругленным, слегка отогнутым наружу венчиком. Горлышко украшено пятью каннелюрами, шестая каннелюра нанесена на верхнюю часть тулова, примыкающую к горлышку. В глиняном тесте примесь талька и песка. Цвет неравномерный, светло-коричневый с черными пятнами на тулове. Диаметр венчика 11,7 см, тулова 28,6 см, дна 8,8 см, высота горлышка 6,6 см, тулова 32,4 см, общая высота 39 см (рис. 7).

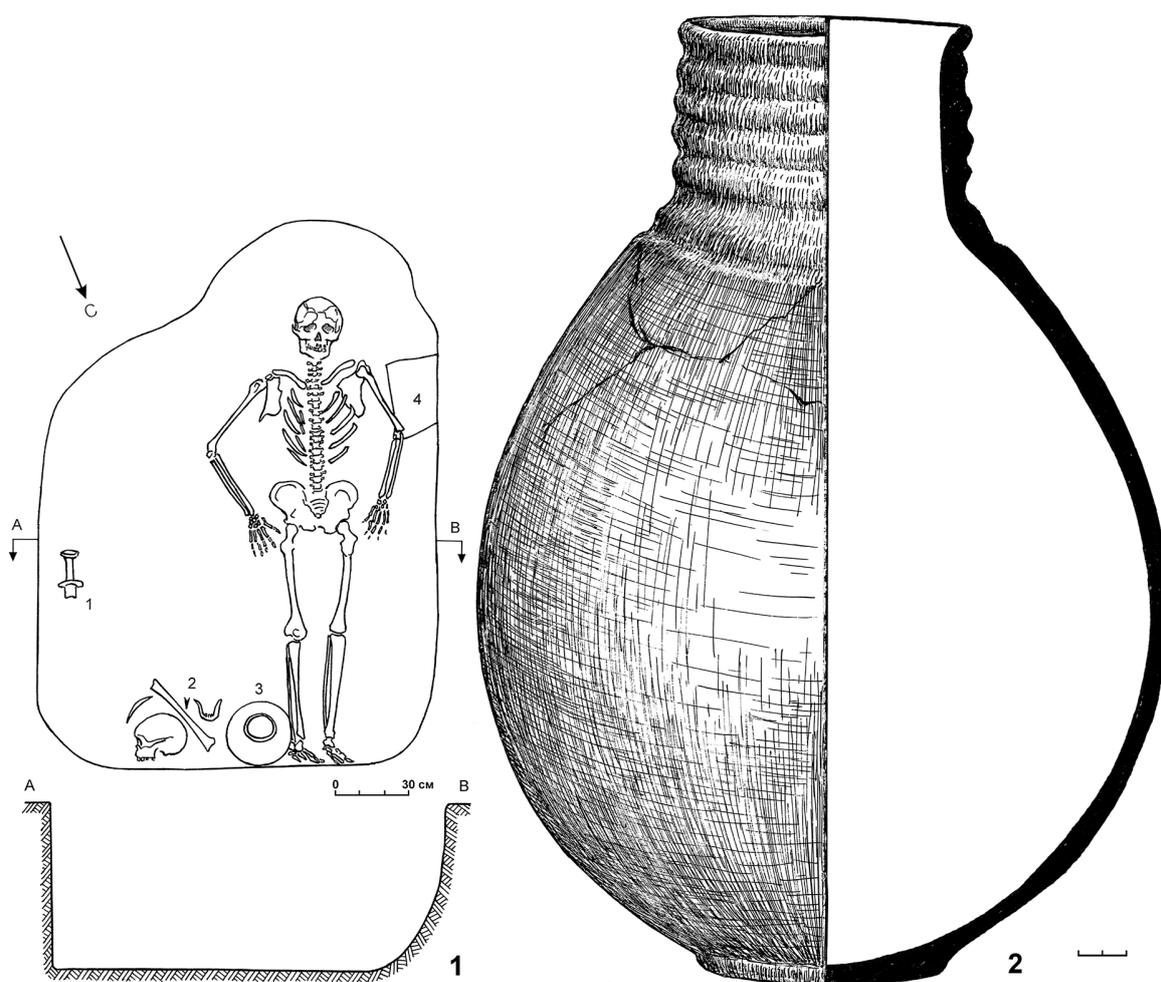

Рис. 6. Могильник Верхнекардаилловский II. Курган 1, погребение 2: 1 — план и профиль погребения (1 — рукоять меча, 2 — наконечник стрелы, 3 — сосуд, 4 — каменная плита); 2 — сосуд

Рис. 7. Могильник Верхнекардаилловский II. Курган 1, погребение 2. Сосуд (фото И. Акбутина)

Рядом с сосудом в кучке лежали кости человека (из погребения 1?) — черепная коробка, нижняя челюсть, большая берцовая, ребро и здесь же бронзовый наконечник стрелы с выступающей втулкой длиной 3,6 см.

К югу от этой кучки, у самой восточной стенки, найдена рукоять меча с фрагментом лезвия. Навершие прямое брусковидное, перекрестье «сломанное» под тупым углом. К сожалению, предмет не сохранился.

Погребение 3 было выявлено в северо-восточном секторе кургана, в 1,2 м от его условного центра. У его западного края в насыпи на глубине 0,6 м найдены ребра животного (?).

Могильная яма прямоугольной с закругленными углами формы, длина 2,45 м, ширина 1,65 м, глубина в материк 1,45 м. Ориентирована по линии север — юг. Покойный лежал в левой (относительно покойного) части могильной ямы на спине, вытянуто, головой к югу, руки вытянуты вдоль туловища. Череп стоял теменем вверх, развернут лицом на северо-запад. Кости грудной клетки и позвоночный столб отсутствуют (истлели?) (рис. 8, 1).

Весь инвентарь находился в правой (относительно покойного) части могильной ямы.

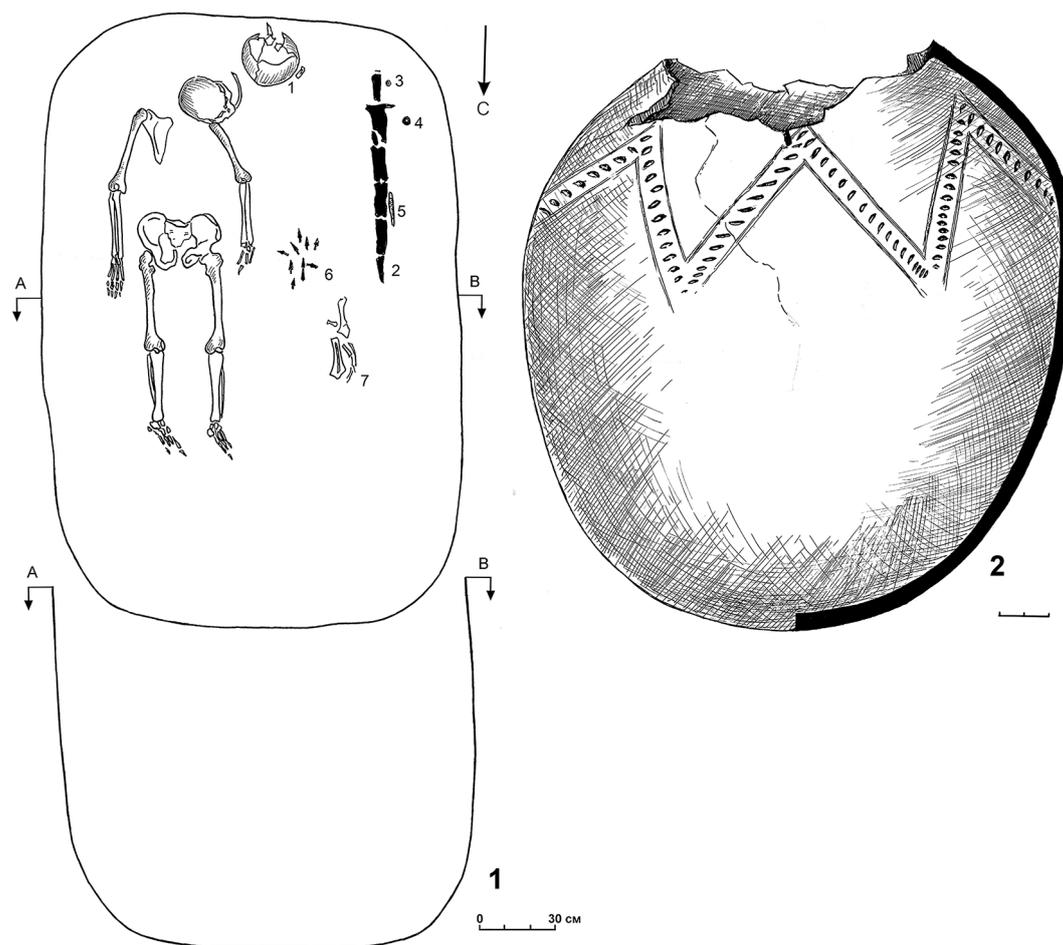

Рис. 8. Могильник Верхнекардаиловский II. Курган 1, погребение 3

1 — план и профиль погребения (1 — сосуд, 2 — железный меч, 3 — костяная втулка, 4 — бронзовая ворворка, 5 — каменный оселок, 6 — наконечники стрел, 7 — кости животного); 2 — сосуд

Сосуд стоял у короткой южной стенки, у ее середины, в головах покойного. Тулово овальной формы, дно круглое, венчик отсутствует. В верхней части тулова орнамент в

виде двойной зигзаговой линии, заполненной внутри поперечными насечками. В глиняном тесте примесь талька. Цвет красноватый с черными пятнами. Диаметр тулова 22 см, высота (без учета несохранившегося венчика) 24 см (рис. 8, 2).

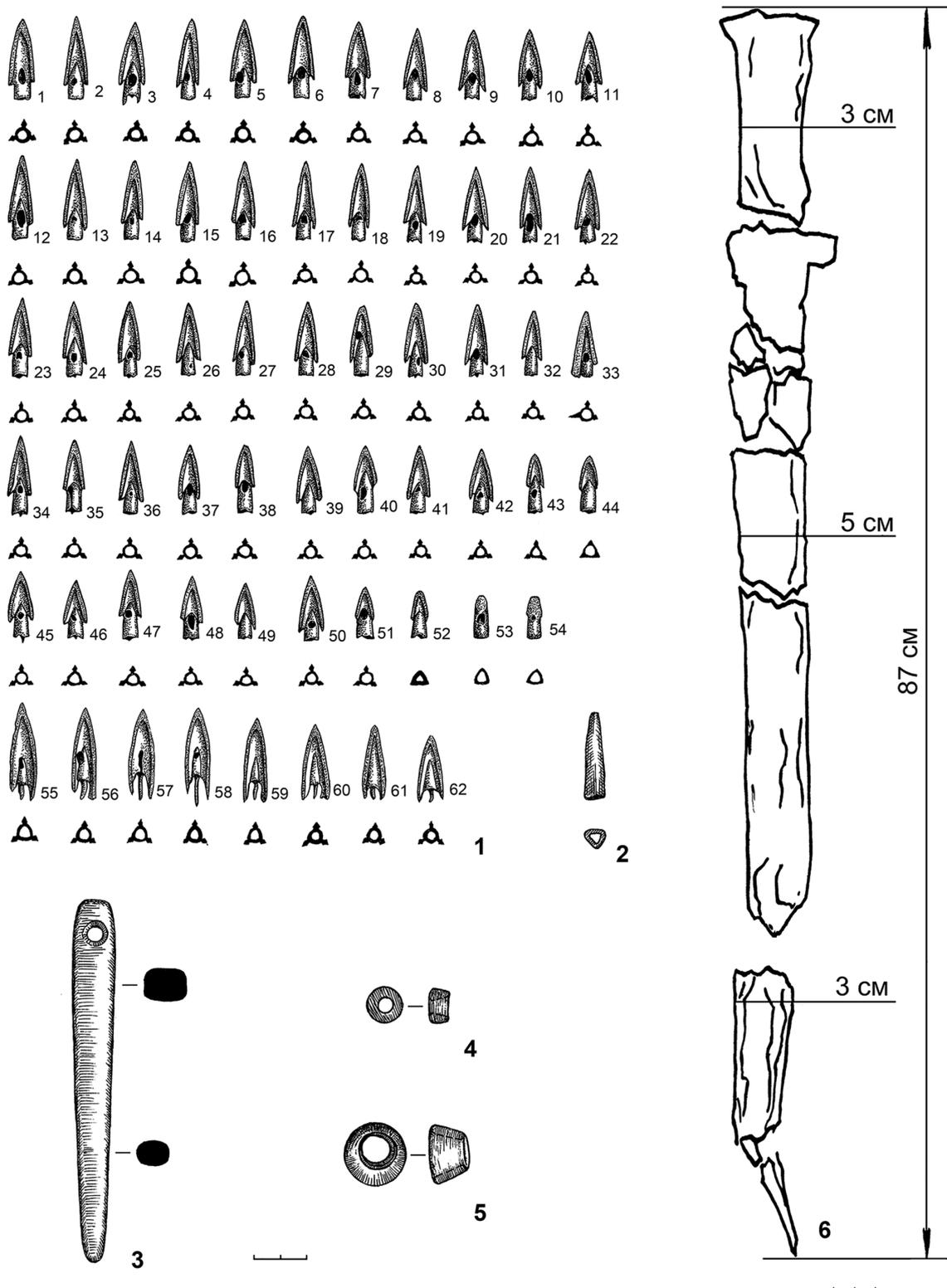

Рис. 9. Могильник Верхнекардаиловский II. Курган 1, погребение 3. Инвентарь: 1 — бронзовые наконечники стрел; 2 — костяной наконечник стрелы; 3 — каменный оселок; 4 — костяная втулка; 5 — бронзовая ворворка; 6 — железный меч (прорисовка in situ)

Меч железный очень плохой сохранности лежал вдоль длинной западной стенки на уровне верхней части тела покойного. В могиле меч был зарисован *in situ*, извлечь удалось только в виде сильно корродированных фрагментов. Имел прямое брусковидное перекрестье и, по-видимому, прямое брусковидное навершие. Общая длина 87 см, ширина массивной рукояти 3 см, ширина лезвия в средней части 5 см (рис. 9, 6).

Втулка костяная лежала справа от рукояти меча. Круглая, диаметром 1,3 см, с отверстием посередине (рис. 9, 4).

Ворворка бронзовая находилась справа от меча, чуть ниже его перекрестья. Конической формы, диаметр по верху 1,2 см, по низу 3,2 см (рис. 9, 5).

Оселок каменный с отверстием в более широкой верхней части лежал справа от лезвия меча. Длина 13,8 см, ширина в верхней части 1,5 см, в нижней 0,7 см (рис. 9, 3).

Наконечники стрел лежали между левой кистью покойного и концом клинка меча. По коллекционной описи числится 67 бронзовых и один костяной наконечник. В наличии имеется 62 бронзовых и один костяной. Бронзовые наконечники следующих типов:

- трехлопастные с выступающей втулкой — 52 шт., размеры от 3,0×0,8 см до 1,6×0,5 см (рис. 9, 1, 1—52);
- трехгранные с выступающей втулкой — 2 шт., размеры 1,5×0,5 см (рис. 9, 1, 53—54);
- трехлопастные с внутренней втулкой — 8 шт., размеры от 3,5×0,9 см до 2,4×0,8 см (рис. 9, 1, 55—62).

Костяной наконечник имел внутреннюю втулку, сечение треугольное. Размер 3,2×0,8 см (рис. 9, 2).

На уровне левого коленного сустава покойного, несколько ближе к западной стенке лежали кости барана, судя по всему, передняя нога с плечевой костью и лопаткой.

Одинокый курган *Верхнекардаиловский VII* располагался в 1,5 км к востоку от села и в 3 км к северо-востоку от могильника Верхнекардаиловский II у обочины полевой дороги. В 0,4 км к северу — крутой берег р. Урал.

Насыпь диаметром 11 м и высотой по данным нивелировки до 0,71 м хорошо задернована, под дерном всюду видны камни (рис. 10). Раскапывался вручную с оставлением одной меридиональной бровки шириной 0,5 м.

Стратиграфия кургана:

1. Дерн — 0,05 м;
2. Гумус, насыщенный камнями, — 0,3—0,6 м;
3. Погребенная почва — 0,1—0,3 м;
4. Материк — желтый гравий.

В северной части бровки насыщенность профиля камнями больше, чем в южной, местами профиль похож на кладку. Камни крупнее, чем в южной части. Над могильным пятном камни лежат более разреженно, в то же время на уровне материка наблюдается выкладка из камней среднего размера. В южной части бровки камни небольшого размера образуют нечто похожее на панцирь, выложенный поверх дерновой насыпи.

На уровне погребенной почвы на расстоянии от 2,25 до 4,4 м от северного края бровки под камнями фиксируются две линзы гравия, одна (северная) длиной 1,25 м и мощностью до 0,25 м, вторая (южная) длиной 1 м и мощностью 0,15 м. На расстоянии 2,4 м от южного края бровки — еще одна линза гравия длиной 1,2 м и мощностью до 0,55 м. Все линзы представляют собой пятна могильного выкида из единственной расположенной в центре могилы.

Погребение. Могильная яма имела длину 2,4 м, ширину 1,4 м. Ориентирована по линии север-северо-запад — юг-юго-восток. Вдоль длинной северо-восточной стенки на глубине 0,5 м располагалась ступенька шириной до 0,5 м. Глубина могилы в материк

0,75 м. В заполнении могилы найдены отдельные кости, бронзовый наконечник стрелы и раковина (не сохранились).

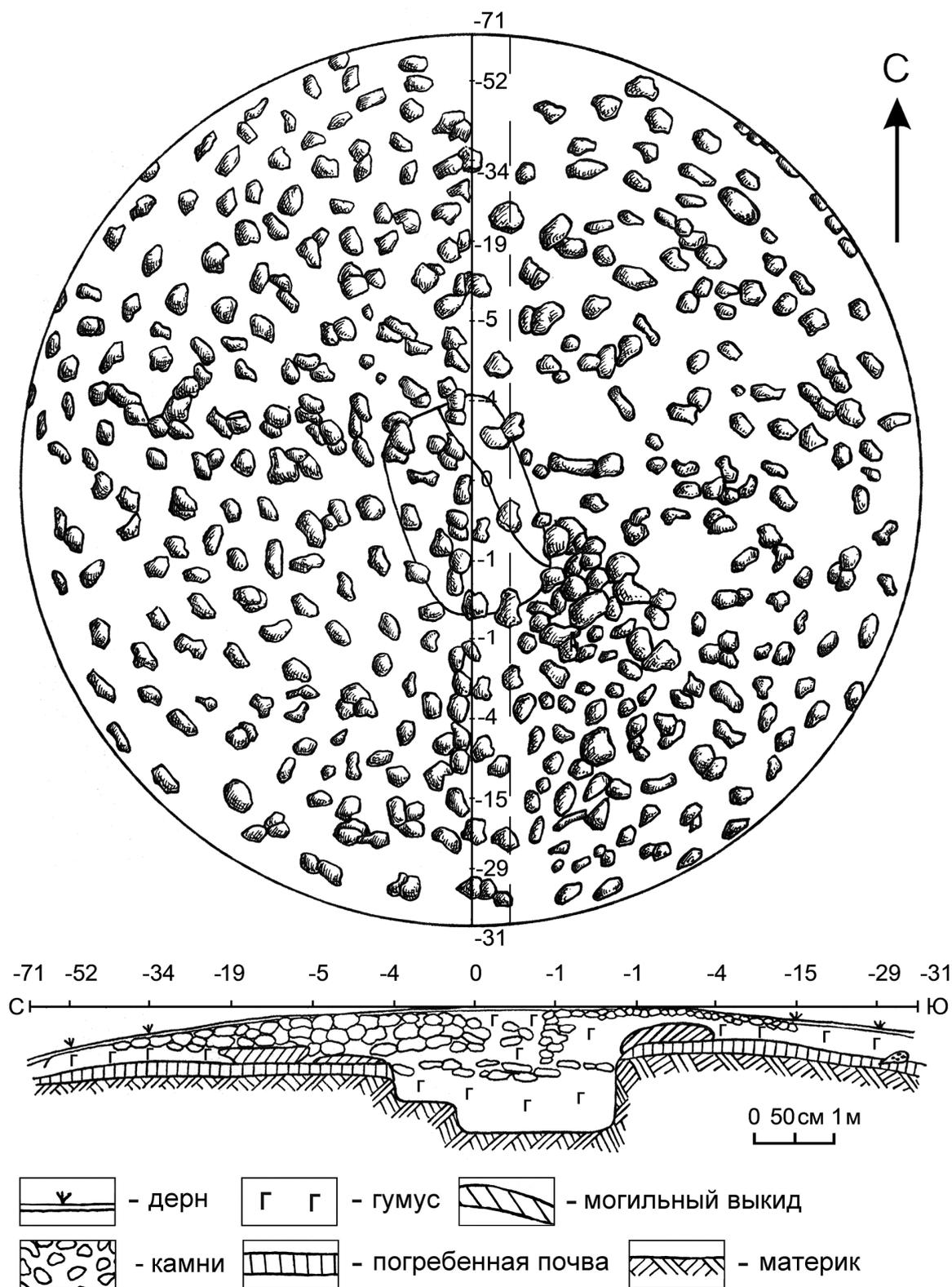

Рис. 10. Одиночный курган Верхнекардаиловский VII. План и профиль кургана

На дне ее находился костяк взрослого человека, лежащего вытянуто на спине, головой к югу (рис. 11, 1). При погребенном найдены вещи.

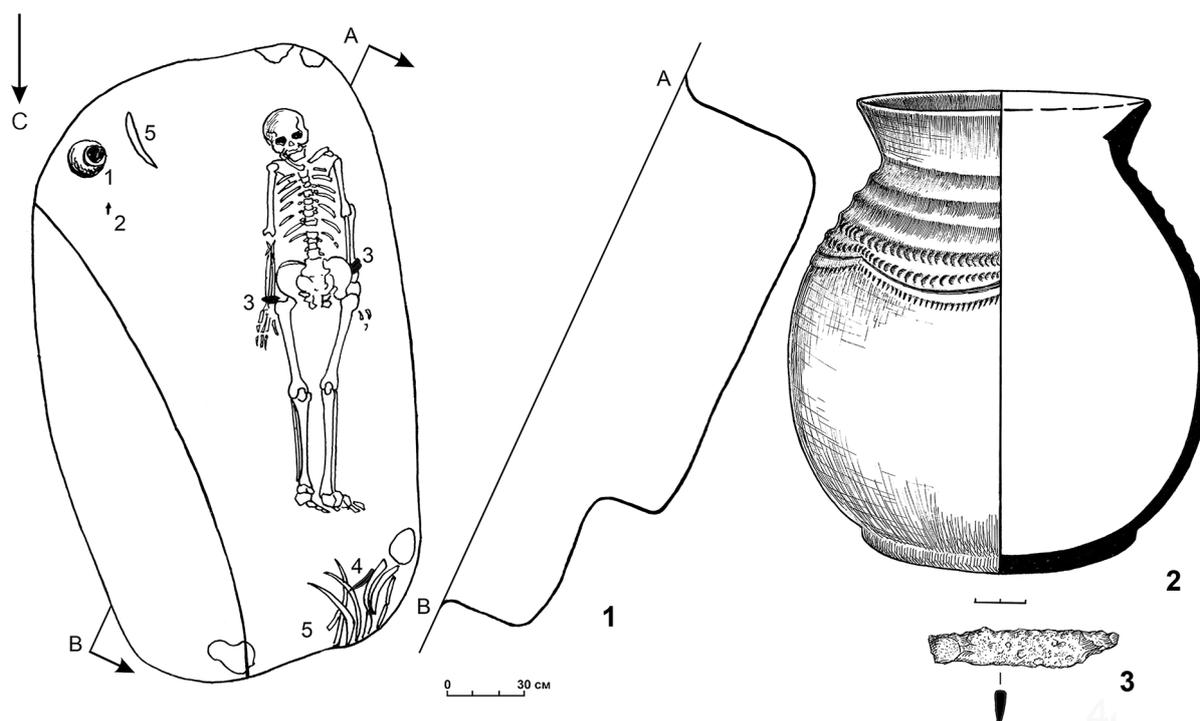

Рис. 11. Одиночный курган Верхнекардаиловский VII. Погребение
1 — план и профиль погребения (1 — сосуд, 2 — бронзовый наконечник стрелы, 3 — железные браслеты, 4 — железный нож, 5 — кости животных); 2 — сосуд; 3 — железный нож

Сосуд керамический стоял в юго-восточном углу, в «головной» части могильной ямы. Имеет округлое тулово, раструбообразное горлышко, плоское дно (подлеплено снаружи). Край венчика округлый, в месте подделки венчика к тулову — внутреннее ребро. Глиняное тесто плотное, с примесью талька. Под горлышком по верхней части тулова украшен четырьмя каннелюрами, самая нижняя по внутренней поверхности украшена ногтевидными вдавлениями. Еще ниже прочерчен орнамент, образованный длинными невысокими дугами. Поверх этой полосы орнамента — поясик ногтевидных насечек, повторяющий конфигурацию дуг. Ниже дуг — поясик небольших треугольных вдавлений, также повторяющий линию дуг. Диаметр венчика 11,5 см, тулова 16,5 см, дна — 10,5 см. Высота 19,5 см (рис. 11, 2). Рядом с сосудом лежала кость животного.

Бронзовый наконечник стрелы (не сохранился) лежал в 20 см севернее сосуда.

Железные браслеты из круглого в сечении дрота были надеты на обе руки покойного чуть выше запястий. Не сохранились.

Кости животного лежали в кучке в северо-западном углу могилы, в «ножной» ее части. Среди костей найдена правая коленная чашечка погребенного. Вместе с костями находился железный нож, на черешке которого остались следы деревянной рукояти в виде ожелезненных волокон дерева. Длина 7,5 см, ширина лезвия 1,5 см (рис. 11, 3).

Датировка курганов и некоторые вопросы хронологии древностей ранних кочевников Южного Урала

Несмотря на то что полученные в результате раскопок материалы выглядят сравнительно скромно, они позволяют сделать некоторые важные наблюдения над хронологией раннекочевнических древностей.

Материалы **кургана № 1** могильника Верхнекардаиловский II уже использовались нами при разработке вопросов хронологии. В своих работах мы высказали предположение о датировке мечей переходного типа временем не ранее второй половины — конца

IV в. до н.э., в том числе и того, который был обнаружен в погребении № 2 [8, с. 167¹; 9, с. 60—61]. Проведенные за эти годы экспедиционные работы и аналитические исследования подтверждают нашу позицию.

Так, например, скопление предметов конского снаряжения (связанное с жертвоприношениями лошадей), обнаруженное в 18 м юго-западнее от входа в дромос кургана № 3 Филипповского I могильника [21, рис. 56—57], по совокупности хронологических признаков деталей узды датируется вероятно второй-третьей четвертью IV в. до н.э. [15, с. 81—82] и одновременно определяет вероятную нижнюю дату меча с тупоугольным перекрестьем, найденного в западной части погребальной камеры [21, рис. 66]. Верхняя граница существования мечей переходного типа фиксируется в начале III в. до н.э. по мечу из Ново-Мусино [10, с. 180], а общая продолжительность их использования в арсенале кочевников Южного Урала ограничивается промежутком времени не более чем в 40—50 лет.

Радиоуглеродная дата для меча с дуговидным перекрестьем (2320±35 BP, UT 99-15/1-3) из погребения 2 кургана № 1 могильника Ново-Мурапталово VII [1, с. 42—43, рис. 3, I], полученная по образцу из зуба погребенного, при калибровке приобрела очень широкий хронологический диапазон в пределах первой четверти V — третьей четверти III в. до н.э. (2434—2183 cal BP, UT 99-15/1-3), где нижняя и верхняя даты не соответствуют традиционным представлениям о времени существования мечей переходного типа². Такая оценка не может адекватно отражать истинную картину за счет экстремальности крайних точек. В этой связи предпочтительной представляется некалиброванная дата BP, которая довольно точно определила нижнюю границу комплекса, ограничив ее серединой — третьей четвертью IV в. до н.э. Такая хронологическая позиция не противоречит и датировке рассматриваемого погребения авторами публикации, которые отнесли меч к IV в. до н.э., а наконечники стрел — к IV—III вв. до н.э. [1, с. 44—45].

Таким образом, предположения некоторых авторов о V—IV — первой половине IV в. до н.э. как нижней границе для мечей рассматриваемого типа пока остаются на уровне догадок, не обоснованных хронологическими реперами, имеющими выход на абсолютные даты [13, с. 153—154; 29, с. 3, 5—6; 30, с. 143—144]³.

Чрезвычайно важным в плане хронологии мечей переходного типа представляется открытие Ф. А. Сунгатова и Р. Б. Исмагилова, сделанное в кургане Тулубай в Башкирском Зауралье. Здесь, при костяке № 1 из раннего комплекса⁴, обнаружен меч переходного типа [14, рис. 2, A12], датировка которого подтверждается находками не только из четырех

¹ В данной работе в таблице 1 ошибочно указано, что меч найден в могильнике Верхнекардаилловка I (позиция 32).

² UT 99-15/1-3, Age ¹⁴C (BP) — 2320±35, Age ¹⁴C 95.4% probability (cal BP) — 2434—2183 [37, p. 2431, tabl. S1].

³ Ссылка на раннюю дату меча с дуговидным перекрестьем из Березовского кургана не может быть признана корректной. Рассматриваемый памятник был разграблен местными жителями и содержал не одно погребение, что предполагают и сами авторы статьи [35, с. 74]. Судя по ассортименту инвентаря, курган имеет, вероятно, не менее двух разновременных комплексов. К условно «раннему» относятся жертвенник, утерянные кинжал и, возможно, зеркало. Меч переходного типа, как и жертвенник, были переданы исследователям местными жителями и их точное местонахождение в кургане неизвестно, а предметы, обнаруженные *in situ*, по целому ряду аналогий датируются второй половиной IV в. до н.э. В этой связи жертвенник из Березовского кургана должен быть исключен из категории находок, характеризующих раннепрохоровский комплекс второй половины IV в. до н.э. [8, с. 160], а сам памятник не может являться объективным хронологическим источником.

⁴ В публикации Ф. А. Сунгатова и Р. Б. Исмагилова каждый скелет имеет название «погребение». На наш взгляд, правильнее говорить о костяках из двух отдельных культурно-хронологических комплексов, которые выделили сами авторы: раннего, второй половины IV в. до н.э., и позднего, III—II вв. до н.э. [14, с. 125].

синхронных данному захоронению тайников, но и сосудом-кувшином, принадлежащим костяку № 3, морфологию которого определяет высокое каннелированное горло [14, рис. 2, В3]. Об устойчивой связи мечей рассматриваемого типа и сосудов подобной формы мы писали ранее, как и о связи этого оружия с зеркалами типа 5.3 по А. С. Скрипкину¹, обнаруженными в тайниках. Кроме того, на материалах кургана Тулубай подтверждается наша идея о вероятном совместном существовании таких зеркал с зеркалами типа «Темир» [8, с. 167], поскольку здесь они были найдены в рамках одного закрытого комплекса [14, рис. 3, Б1-3]. На наш взгляд, зеркала типа «Темир» являются результатом эволюции экземпляров типа 5.3 по А. С. Скрипкину за счет уплощения диска и замены выпуклостей на концентрические прорезные линии. Как показывают наши наблюдения, и те и другие существовали одновременно в конце IV в. до н.э. (наличие или отсутствие ручки не имеет хронологического значения), но плоские зеркала, без сомнения, продолжают бытовать и в III в. до н.э., а профилированные диски имеют более раннюю нижнюю границу.

Единственная пока радиоуглеродная дата для зеркал типа 5.3 (2310±30, УТ 26-16/1-2 ВР) получена по образцу из зуба костяка № 1 погребения № 1 кургана № 1 Сибайского I могильника. Калиброванная дата укладывается в период 411—235 гг. до н.э. Верхняя дата ввиду своей экстремальности (последняя треть III в. до н.э.) не отражает истинную картину бытования рассматриваемого типа зеркал, поскольку в это время господствуют совсем другие формы. Нижняя дата — последняя четверть V в. до н.э. — тоже не соответствует общепринятым хронологическим представлениям, которые были обоснованы традиционными методами. Некалиброванная дата представляется нам предпочтительной, тем более что она почти синхронна аналогичной дате для меча из Ново-Мурапталово.

Если следовать общей хронологии Филипповки I от рубежа V—IV до третьей четверти IV в. до н.э. [32, с. 284], то в материалах кургана № 14 мы имеем наиболее ранний экземпляр зеркала типа 5.3 по А. С. Скрипкину, относящийся к середине — третьей четверти IV в. до н.э., где он встречен вместе с мечом переходного типа [21, рис. 128]. Отсутствие зеркал «темирского» типа в филипповских комплексах косвенно свидетельствует о верхней дате могильника, исключаяющей последнюю четверть IV в. до н.э.

Можно предполагать, что зеркала типа «Темир» из самого Темира² и Тулубая являются наиболее ранними, о чем свидетельствуют валики по краю дисков, тогда как другие зеркала из этой серии имеют плоскую поверхность.

На наш взгляд, авторы публикации Тулубая совершенно справедливо датировали раннюю часть коллективного погребения в рамках второй половины IV в. до н.э. [14, с. 125].

Наконец, еще одно весомое доказательство закономерности взаимовстречаемости рассматриваемых категорий инвентаря и существования своеобразного хронологического «треугольника» было получено С. В. Сиротиним в Ивановском I могильнике. Здесь, в погребении № 3 кургана № 11 был обнаружен «комплект», состоящий из меча переходного типа, сосуда с каннелированным горлом и зеркала типа 5.3 по А. С. Скрипкину, датированный автором концом IV в. до н.э. [24, с. 136, рис. 3, 3, 6, 10].

Бронзовые наконечники стрел из погребения № 3 кургана № 1 соответствуют типам VI, IX и XII (по классификации К. Ф. Смирнова), обычным для IV в. до н.э., хотя и нередки для колчаных наборов как V в. до н.э., так и III в. до н.э. [26, с. 47, 49, 50].

Ведущая серия наконечников стрел с выступающими втулками (№ 1—52) объединена нами в типы VI и IX, которые очень близки по морфологическим признакам, но от-

¹ В свое время А. С. Скрипкин выделил тип 5.3 для зеркал, характеризующихся концентрическими валиками и прочерченными линиями и небольшой выпуклиной в центре диска [25, с. 95, рис. 35, 31—33].

² Датировка зеркала из кургана Темир последней третью IV — началом III в. до н.э. определена на основе объективных данных (археологического анализа материала и радиоуглеродных дат) [2, с. 184; 9, с. 60].

личаются лишь дуговидностью головок. Понимая условность понятия «дуговидность», авторы не рискнули более точно распределить их между типами, тем более что К. Ф. Смирнов допускал «появление» типа IX путем «заточки» граней или лопастей, хотя в целом предполагал его самостоятельную эволюцию [26, с. 48].

Такие наконечники стрел имеются в комплексах конца VI — V в. до н.э. кургана № 26 Ново-Кумакского могильника [28, с. 39, рис. 16] и IV в. до н.э. кургана № 18 того же памятника [26, с. 139, рис. 37].

Аналогичные наконечники обнаружены в погребении № 3 кургана № 3 Ново-Павловского I могильника рубежа IV—III первой половины III до н.э. [7, с. 120, рис. 6, 13—14], а в погребении № 1 Ново-Мусинского кургана 3 такие же экземпляры датируются самым началом III в. до н.э. [10, с. 177, рис. 3, 2]. Причем эта серия является там ведущей. Наконец, стрелы рассматриваемых типов исследованы в комплексах развитого III в. до н.э. — погребении № 7 кургана № 3 Бишунгаровского могильника и погребениях № 29, 30 кургана № 18 могильника Старые-Кишки [19, табл. XIV, 6—7; 23, рис. 11, 10, 13; 12, 2].

Два наконечника (№ 53—54) принадлежат к типу 1 отдела III (трехгранных), которые характеризуются короткой втулкой и слабопрофилированной трехгранной головкой, характерной для варианта В. По мнению К. Ф. Смирнова, такие экземпляры встречаются в колчанах V в. до н.э. и позднее первой половины IV в. до н.э. не применяются [26, с. 51].

Восемь наконечников (№ 55—62) относятся к типу XII, со сводчатыми головками, внутренней втулкой и опущенными ниже втулки шипами. К. Ф. Смирнов датировал рассматриваемый тип от VI до II вв. до н.э. По его мнению, такие наконечники достигают своего расцвета в V в. до н.э., а в IV—II вв. до н.э. встречаются в небольшом количестве [26, с. 50].

Наиболее показательны в этом плане наконечники стрел данного типа, происходящие из погребения № 1 кургана № 3 Яковлевского могильника, где они были обнаружены также в составе одного колчанного набора с экземплярами типа б и датированы второй половиной IV в. до н.э. [34, с. 74, рис. 12—13].

Таким образом, типологический анализ наконечников стрел из погребения № 3 кургана № 1 дает широкую дату с конца VI по вторую половину III в. до н.э. Более точная хронология таких наконечников невозможна, поскольку все три датировочных археологических принципа (сводчатость (дуговидность) головок, определение даты по ведущей серии или по поздним экземплярам с головками треугольной формы) либо субъективны¹, либо вступают в противоречие с результатами датирования остального материала.

Такая хронологическая картина характерна преимущественно для колчанов IV в. до н.э. с их многообразием типов и большим количеством наконечников. Для нас совершенно очевидно, что наконечники этого времени не могут быть решающей категорией погребального инвентаря при датировке комплексов.

Взаимовстречаемость ранних и поздних экземпляров внутри одного набора, вероятно, объясняется одновременным использованием литейных форм для сводчатых наконечников (исходные варианты) и форм, которые были сделаны по заточенным экземплярам, с тех же дуговидных головок, что предполагал и сам К. Ф. Смирнов [26, с. 48]. Следовательно, нет причин усматривать в этом обычном технологическом явлении некую эволюционную закономерность «военно-функционального» характера, тем более что форма бронзового наконечника не влияла на баллистические характеристики стрелы, особенно для прицельного выстрела на близком расстоянии².

¹ Признанных критериев сводчатости наконечников пока не существует, а инструмент, определяющий степень сводчатости, еще не изобретен.

² Современные спортивные стрелы имеют пулевидную форму, а раннескифские и средневековые наконечники, как известно, были двухлопастными или вообще плоскими.

Более точную датировку рассматриваемого погребения определяет меч с прямым перекрестьем и прямым навершием.

Весьма показательными в этом плане являются материалы кургана № 3 могильника Имангазы-Карасу, где в центральной могиле был найден меч с прямым перекрестьем и прямым навершием, а в боковой, содержащей три почти синхронных погребения, кинжал с прямым перекрестьем и прямым навершием, которое уже имеет небольшой «прохоровский» прогиб (скелет № 2), и зеркало типа «Темир» (скелет № 1)¹, аналогичное тулубаевскому. По мнению автора публикации С. Ю. Гуцалова, все захоронения кургана № 3 были совершены в течение небольшого промежутка времени, принадлежат одной семье и датируются временем от первой до второй половины IV в. до н.э. (?) [22, с. 132—133]. Причем меч с прямым перекрестьем и прямым навершием он относит к первой половине этого столетия, что совершенно противоречит хронологическим позициям предложенных им аналогий. Датировка меча из погребения 2 кургана № 8 могильника Тамар-Уткуль VII вообще невозможна из-за разрушения комплекса. Хронологическая позиция погребения 1 кургана № 8 могильника Мечет-Сай [27, рис. 51] была обоснована нами по планиграфическим данным началом III в. до н.э. и до сих пор никем не поставлена под сомнение [9, с. 61].

Необходимо отметить, что по планиграфическим особенностям, зафиксированным в ряде случаев, погребения с мечами с прямыми навершиями являются впускными и, следовательно, занимают несколько более позднюю позицию по отношению к основным, как и в нашем случае. Наиболее показательны в этом плане комплексы из упомянутого кургана № 8 Мечет-Сая, кургана № 10 Переволочанского могильника [20, рис. 12, 15] и особенно кургана № 23 Покровки II, где в центральной дромосной коллективной могиле № 10 найден меч переходного типа, а во впускном погребении № 6 меч с прямым перекрестьем и прямым навершием в комплекте с сосудом с высоким каннелированным горлом. Необходимо добавить, что во впускном погребении № 5, которое было перерезано упомянутым выше погребением № 6, было обнаружено зеркало типа 5.3 по А. С. Скрипкину. Причем, по стратиграфическим наблюдениям авторов раскопок, комплекс с зеркалом оказался ожидаемо несколько более ранним [36, с. 48, рис. 89—90, 92—93, 99]².

Таким образом, приведенные выше примеры планиграфических и стратиграфических данных свидетельствуют, на наш взгляд, о закономерной встречаемости рассматриваемых категорий инвентаря, которая исключает случайный характер помещения их в могилу.

В целом, если учитывать устойчивую связь мечей рассматриваемого типа, а также ранних прохоровских мечей с прямыми перекрестьями и слабо изогнутыми навершиями с плоскими зеркалами типа «Темир» на примере комплексов из Челкара III [18, рис. 2, б, 9], Бердянки V [17, рис. 3, 7, 8], Имангазы-Карасу [22, рис. 6, 2, б], их следует датировать рубежом IV—III — началом III в. до н.э. и утверждать, что какое-то короткое время они сосуществовали с мечами переходного типа [8, с. 167—168; 33, с. 81, 87]. Причем форма рукояти с прямым навершием и прямым перекрестьем оказалась менее жизнеспособной. По всей вероятности, все три погребения кургана № 1 могильника Верхнекардаиловский II относятся именно к этому времени.

Одиночный курган Верхнекардаиловский VII может быть датирован по глиняному сосуду, орнамент которого близок орнаменту горшка из кургана № 1 могильника Верх-

¹ По наблюдениям авторов публикации, при захоронении трупа № 1 был разрушен, а затем восстановлен скелет погребенного № 2.

² Следует отметить, что зеркало типа «Темир» с небольшим валиком по краю диска обнаружено и во впускном погребении № 18 в северо-западной поле этого кургана.

некардаиловский II, концом IV в. до н.э., т.е. временем окончательного сложения прохоровской культуры.

Сосуды с каннелюрами по плечикам в сочетании с гирляндами, выполненными различными приемами (резными линиями, косыми или прямыми насечками), заполненными «решетками» или другими орнаментальными элементами, представлены в хорошо датированных памятниках конца IV — начала III в. до н.э., например, Мечет-Сай курган 8 погребения 1 и 2¹ [27, рис. 51, 6; 52, 2], Ивановка I курган 5 погребение 1 [24, с. 137, рис. 3]. В заключение необходимо добавить, что верхняя граница существования таких сосудов находится где-то в начале III в. до н.э., поскольку в комплексах развитого III в. до н.э., как показывает значительная керамическая коллекция из Старых Киешков и Бишунгарово, подобная орнаментальная традиция уже отсутствует.

Не противоречат этой дате и железные браслеты, найденные на предплечьях обеих рук погребенной. Вывод, сделанный в свое время В. М. Клепиковым, о том, что железные стержневые браслеты из раннесарматских комплексов датируются IV в. до н.э. [16, с. 88], до сегодняшнего дня не встретил возражений.

Заключение

Таким образом, материалы публикуемых курганов могут быть датированы в пределах хронологического промежутка второй половины IV — рубежа IV—III вв. до н.э. Проведенное исследование еще раз подтверждает высказанную нами ранее точку зрения, что мечи «переходного» типа и сосуды с высоким каннелированным горлом являются реперными предметами в хронологической шкале второй половины IV — рубежа IV—III вв. до н.э., а их встречаемость в рамках одного погребения является закономерностью и не носит случайного характера. Более того, как показывают исследования с привлечением дополнительных материалов, в «классическом» виде в этот хронологический «комплект» входят и зеркала типов 5.3 по А. С. Скрипкину и «Темир», что позволяет ввести такие памятники в число опорных комплексов рассматриваемого времени.

Благодарности. Работа выполнена в рамках НИОКТР № АААА-А19-119042300139-1 «Музей археологии и этнографии: коллекционные ресурсы, исследовательская деятельность и новые информационные технологии».

Список использованной литературы

1. Агеев Б. Б., Рутто Н. Г. Новые памятники прохоровской культуры на юге Башкирии // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа : БФАН СССР, 1984. С. 37—45.
2. Алексеев А. Ю., Боковенко Н. А., Васильев С. С., Дергачев В. А., Зайцева Г. И., Ковалюх Н. Н., Кук Г., Плихт Й. ван дер, Посснерт Г., Семенцов А. А., Скотт Е. М., Чугунов К. В. Евразия в скифскую эпоху: Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб. : ТЕЗА, 2005. 290 с.
3. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 12687: Васильев В. Н. Отчет об итогах полевых исследований на территории Оренбургской области в 1984 г.
4. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 19216: Васильев В. Н. Отчет об охранных археологических исследованиях Сибайского I курганного могильника летом 1995 г. (Республика Башкортостан).
5. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 12010: Иванов В. А. Научный отчет об археологических исследованиях в Башкирской АССР и Оренбургской области в 1987 году.
6. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 16422: Фёдоров В. К. Отчет о раскопках II Верхне-Кардаиловских курганов в Кваркенском районе в 1991 г. (Оренбургская область).
7. Богданов С. В. Культурно-хронологические комплексы скифо-сарматской эпохи I Нижнепавловского курганного могильника в степном Приуралье // *Stratum plus*. 2018. № 3. С. 103—133.

¹ М. Ю. Трейстер на основе хронологических разработок В. Н. Васильева, Н. Е. Берлизова и О. В. Аникеевой датировал основное погребение 5 из кургана 8 Мечет-Сая второй половиной IV в. до н.э. [31, с. 268—269]. Поскольку это погребение основное в кургане, впускные погребения 1 и 2 имеют несколько более позднюю хронологическую позицию.

8. Васильев В. Н. К хронологии раннепрохоровского комплекса // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2004. Вып. 5. С. 153—172.
9. Васильев В. Н. К хронологии вьючных фляг ранних кочевников Южного Урала // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. К 70-летию А. Х. Пшеничнока. Уфа : Гилем, 2006. С. 58—62.
10. Васильев В. Н., Сиротин С. В. Ново-Мусинский 3 курган // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2004. Вып. 5. С. 173—180.
11. Васильев В. Н., Фёдоров В. К. Разведочные раскопки в северо-восточном Оренбуржье // Башкирский край. Уфа, 1994. Вып. 5. С. 154—166.
12. Горбунов В. С., Иванов В. А. Памятники эпохи бронзы из Оренбуржья и Южной Башкирии // Древняя история населения Волго-Уральских степей : межвуз. сб. науч. статей. Оренбург : Оренб. гос. пед. ин-т им. В. П. Чкалова, 1992. С. 206—227.
13. Гуцалов С. Ю., Боталов С. Г. Курганы прохоровской культуры в районе г. Магнитогорска // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2001. Вып. 3. С. 148—161.
14. Исмагил Р., Сунгатов Ф. А. Тулубай. Савромато-сарматский склеп в Зауралье // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2009. Вып. 9. С. 118—126.
15. Канторович А. Р., Яблонский Л. Т. О северопричерноморских и северокавказских параллелях изображений в скифо-сибирском зверином стиле из Филипповских курганов // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2009. Т. 10. С. 73—98.
16. Клепиков В. М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV—III вв. до н.э. Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2002. 212 с.
17. Моргунова Н. Л., Мещеряков Д. В. «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1999. Вып. 3. С. 124—146.
18. Мошкова М. Г., Кушаев Г. А. Сарматские памятники Западного Казахстана // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 258—268.
19. Пшеничнюк А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М. : Наука, 1983. 200 с.
20. Пшеничнюк А. Х. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа : Гилем, 1995. С. 62—96.
21. Пшеничнюк А. Х. Филипповка: Некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 280 с.
22. Родионов В. В., Гуцалов С. Ю. Материалы погребений и случайных находок савромато-сарматского времени из фондов Актюбинского краеведческого музея // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2000. Вып. 2. С. 129—144.
23. Садыкова М. Х., Васильев В. Н. Поздние прохоровцы в центральной Башкирии // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2001. Вып. 3. С. 55—80.
24. Сиротин С. В. Хронология и планиграфия курганного некрополя Ивановские I курганы в Зауральской Башкирии // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение : материалы VII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Челябинск : Гос. ист. музей Южного Урала, 2017. С. 132—139.
25. Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия: Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1990. 300 с.
26. Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. М. : Изд-во АН СССР, 1961. 166 с. (Материалы и исследования по археологии. Вып. 101).
27. Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке. М. : Наука, 1975. 176 с.
28. Смирнов К. Ф. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа : БФАН СССР, 1977. С. 3—51.
29. Таиров А. Д. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья 7—2 вв. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Докл. к 5 междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар : ООО «Фирма НСС», 2004. С. 3—21.
30. Таиров А. Д., Боталов С. Г., Плешанов М. Л. Исследования курганного могильника Кичигино в 2007 году (предварительные результаты) // Ранние кочевники Волго-Уральского региона : материалы междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий». 21—25 апр. 2008 г. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2008. С. 139—145.
31. Трейстер М. Ю. Ахеменидские импорты в Южном Приуралье. Хронология. Динамика. Состав. Интерпретация // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н.э.). М. : Таус, 2012. Т. 1. С. 268—281.
32. Трейстер М. Ю., Яблонский Л. Т. К вопросу об абсолютной дате могильника Филипповка-I // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н.э.). М. : Таус, 2012. Т. 1. С. 282—284.

33. Фёдоров В. К. О датировке 1—4 Прохоровских курганов // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2008. Вып. 8. С. 69—90.
34. Фёдоров В. К., Васильев В. Н. Яковлевские курганы раннего железного века в башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. Уфа, 1998. Вып. 1. С. 62—96.
35. Хабдуллина М. К., Малютин Т. С. Погребальный комплекс V—IV вв. до н.э. из Челябинской области // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1982. № 170. С. 73—80.
36. Яблонский Л. Т., Трунаева Т. Н., Веддер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В. Л. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году // Курганы левобережного Илека. М., 1994. Вып. 2. С. 4—60.
37. Jarve M., Saag Le., Scheib Ch., Pathak A., Montinaro F., Pagani L., Flores R., Guellil M., Saag La., Tambets K., Kushniarevich A., Solnik A., Varul L., Zadnikov S., Petrauskas O., Avramenko M., Magomedov B., Didenko S., Toshev G., Bruyako I., Grechko D., Okatenko V., Gorbenko K., Smyrnov O., Heiko A., Reida R., Sapiehin S., Sirotnin S., Tairov A., Beisenov A., Starodubtsev M., Vasilev V., Nechvaloda A., Atabiev B., Litvinov S., Ekomasova N., Dzhaubermezov M., Voroniatov S., Utevska O., Shramko I., Khusnutdinova E., Metspalu M., Savelev N., Kriiska A., Kivisild T., Villems R. Shifts in the Genetic Landscape of the Western Eurasian Steppe Associated with the Beginning and End of the Scythian Dominance // Current Biology. 2019. Vol. 29, N. 14. P. 2430—2441. DOI: 10.1016/j.cub.2019.06.019.

Поступила в редакцию 10.10.2019

Васильев Виталий Николаевич, кандидат исторических наук
Независимый исследователь
Федеративная Республика Германия, г. Бонн
E-mail: sarmat1963@list.ru

Обыденнова Гюльнара Талгатовна, доктор исторических наук
Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы
Российская Федерация, 450057, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 55
E-mail: gto1104@mail.ru

Фёдоров Виталий Кимович, кандидат исторических наук
Институт этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук
Российская Федерация, 450077, г. Уфа, ул. К. Маркса, 6
E-mail: syuri@yandex.ru

UDC 903.5(470.56):902.6

V. N. Vasiliev
G. T. Obydennova
V. K. Fedorov

Mounds in the vicinity of Verkhnyaya Kardailovka village on the Ural river (based on the excavations of 1993) and notes on the chronology of supporting complexes of the second half of the 4th century B.C.

The article dwells on the finds from two mounds of the early nomads' epoch in the Southern Trans-Urals. Blade weapons of "transitional" types found in these mounds make it possible to return to the problem of chronology of complexes with similar swords and daggers. The analysis showed a stable relationship between swords and daggers with obtuse and arched crosshairs, with straight crosshairs and straight tops in combination with a specific set of objects in particular, such as two types of mirrors (5.3 by A. S. Skripkin and "Temir") and ceramic vessels with a high cannulated neck. Besides, there is every reason to believe that early forms of blades with a typical "Prokhorovka" handle appeared not later than the last quarter of the 4th century B. C. and coexisted with the above mentioned types for a short time.

Key words: the Southern Trans-Urals, early nomads, burial rite, mounds, blade weapons, ceramic vessels, arrowheads, chronology.

Vasiliev Vitalij Nikolaevich, Candidate of Historical Sciences
Independent researcher
Bundesrepublik Deutschland, Bonn
E-mail: sarmat1963@list.ru

Obydenнова Gulnara Talgatovna, Doctor of Historical Sciences
Bashkir State Pedagogical University n. a. M. Akmulla
Russian Federation, 450057, Ufa, ul. Oktyabrskoj revoljutzii, 55
E-mail: gto1104@mail.ru

Fedorov Vitalij Kimovich, Candidate of Historical Sciences
Institute of Ethnological Studies of R. G. Kuzeev, Ufa Branch of the Russian Academy of Sciences
Russian Federation, 450077, Ufa, ul. Karla Marksa, 6
E-mail: syyri@yandex.ru

References

1. Ageev B. B., Rutto N. G. Novye pamyatniki prokhorovskoi kul'tury na yuge Bashkirii [New monuments of Prokhorovka culture in the south of Bashkiria]. *Pamyatniki kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Monuments of nomads of the Southern Urals]. Ufa, BFAN SSSR Publ., 1984, pp. 37—45. (In Russian)
2. Alekseev A. Yu., Bokovenko N. A., Vasil'ev S. S., Dergachev V. A., Zaitseva G. I., Kovalyukh N. N., Kuk G., Plikht I. van der, Possnert G., Sementsov A. A., Skott E. M., Chugunov K. V. *Evraziya v skifskuyu epokhu: Radiouglerodnaya i arkheologicheskaya khronologiya* [Eurasia in the Scythian Epoch: Radiocarbon and Archaeological Chronology]. St. Petersburg, TEZA Publ., 2005. 290 p. (In Russian)
3. Vasil'ev V. N. Otchet ob itogakh polevykh issledovaniy na territorii Orenburgskoi oblasti v 1984 g. [Report on the results of field research in the Orenburg region in 1984]. *Arkhiv IA RAN. F-1. R-1. № 12687* [Archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences. F-1. R-1. No. 12687] (In Russian)
4. Vasil'ev V. N. Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniyakh Sibaiskogo I kurgannogo mogil'nika letom 1995 g. (Respublika Bashkortostan) [Report on archaeological conservation studies of the Sibay I burial mound in the summer of 1995 (Republic of Bashkortostan)]. *Arkhiv IA RAN. F-1. R-1. № 19216*. (In Russian)
5. Ivanov V. A. Nauchnyi otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Bashkirskoi ASSR i Orenburgskoi oblasti v 1987 godu [Scientific Report on Archaeological Research in the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic and Orenburg Region in 1987]. *Arkhiv IA RAN. F-1. R-1. № 12010*. (In Russian)
6. Fedorov V. K. Otchet o raskopkakh II Verkhne-Kardailovskikh kurganov v Kvarkenskom raione v 1991 g. (Orenburgskaya oblast') [Report on the excavations of the II Upper Kardailovsky mounds in the Kvarkensky district in 1991 (Orenburg region)]. *Arkhiv IA RAN. F-1. R-1. № 16422*. (In Russian)
7. Bogdanov S. V. Kul'turno-khronologicheskie komplekсы skifo-sarmatskoi epokhi I Nizhnepavlovskogo kurgannogo mogil'nika v stepnom Priural'e [Cultural-Chronological Complexes of the Scythian-Sarmatian Time from Nizhnepavlovka I Burial Ground in the Steppe Cis-Ural Region]. *Stratum plus*, 2018, no. 3, pp. 103—133. (In Russian)
8. Vasil'ev V. N. K khronologii ranneprokhovskogo kompleksa [To the chronology of the early Prokhorovka complex]. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik*, 2004, is. 5, pp. 153—172. (In Russian)
9. Vasil'ev V. N. K khronologii v'yuchnykh flyag rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala [To the chronology of pack flasks of the early nomads of the Southern Urals]. *Yuzhnyi Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremya. K 70-letiyu A. Kh. Pshenichnyuka* [The Southern Urals and adjacent territories in Scythian-Sarmatian time. To the 70th anniversary of A. Kh. Pshenichnyuk]. Ufa, Gilem Publ., 2006, pp. 58—62. (In Russian)
10. Vasil'ev V. N., Sirotnin S. V. Novo-Musinskii 3 kurgan [Novo-Musinsky 3 mound]. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik*, 2004, is. 5, pp. 173—180. (In Russian)
11. Vasil'ev V. N., Fedorov V. K. Razvedochnye raskopki v severo-vostochnom Orenburzh'e [Exploration excavations in the north-eastern Orenburg region]. *Bashkirskii krai* [Bashkir Territory]. Ufa, 1994, is. 5, pp. 154—166. (In Russian)
12. Gorbunov V. S., Ivanov V. A. Pamyatniki epokhi bronzy iz Orenburzh'ya i Yuzhnoi Bashkirii [Monuments of the Bronze Age from the Orenburg region and South Bashkiria]. *Drevnyaya istoriya naseleniya Volgo-Ural'skikh stepei: mezhvuz. sbornik nauch. statei* [Ancient history of the population of the Volga-Ural steppes. Interuniversity collection of scientific articles]. Orenburg, Orenb. gos. ped. in-t im. V. P. Chkalova Publ., 1992, pp. 206—227. (In Russian)

13. Gutsalov S. Yu., Botalov S. G. Kurgany prokhorovskoi kul'tury v raione g. Magnitogorska [Mounds of Prokhorovka culture near Magnitogorsk]. *Ufimskii arkhеologicheskii vestnik*, 2001, is. 3, pp. 148—161. (In Russian)
14. Ismagil R., Sungatov F. A. Tulubai. Savromato-sarmatskii sklep v Zaural'e [Tulubaj. The sarmatian crypt in the Transurals]. *Ufimskii arkhеologicheskii vestnik*, 2009, is. 9, pp. 118—126. (In Russian)
15. Kantorovich A. R., Yablonskii L. T. O severoprichernomorskikh i severokavkazskikh parallelyakh izobrazheniyam v skifo-sibirskom zverinom stile iz Filippovskikh kurganov [About the North-Black Sea and North-Caucasian Parallels to Images in the Scythian-Siberian Animal Style from the Filippovsky Mounds]. *Nizhnevolzhskii arkhеologicheskii vestnik — The Lower Volga Archaeological Bulletin*, 2009, vol. 10, pp. 73—98. (In Russian)
16. Klepikov V. M. *Sarmaty Nizhnego Povolzh'ya v IV—III vv. do n.e.* [Sarmatians of the Lower Volga region in the 4th — 3rd centuries BC]. Volgograd, Volgogr. gos. un-t Publ., 2002. 212 p. (In Russian)
17. Morgunova N. L., Meshcheryakov D. V. "Prokhorovskie" pogrebeniya V Berdyanskogo mogil'nika ["Prokhorovka" burials of the V Berdyansk cemetery]. *Arkhеologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological sites of the Orenburg region]. Orenburg, 1999, is. 3, pp. 124—146. (In Russian)
18. Moshkova M. G., Kushaev G. A. Sarmatskie pamyatniki Zapadnogo Kazakhstana [Sarmatian monuments of Western Kazakhstan]. *Problemy arkhеologii Urala i Sibiri* [Problems of archeology of the Urals and Siberia]. Moscow, 1973, pp. 258—268. (In Russian)
19. Pshenichnyuk A. Kh. *Kul'tura rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala* [The culture of the early nomads of the Southern Urals]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 200 p. (In Russian)
20. Pshenichnyuk A. Kh. Perevolochanskii mogil'nik [Perevolochansky burial ground]. *Kurgany kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Mounds of nomads of the Southern Urals]. Ufa, Gilem Publ., 1995, pp. 62—96. (In Russian)
21. Pshenichnyuk A. Kh. *Filippovka: Nekropol' kochevoi znati IV v. do n.e. na Yuzhnom Urale* [Filippovka: Necropolis of nomadic nobility of the 4th century BC in the Southern Urals]. Ufa, IYaL UNTs RAN Publ., 2012. 280 p. (In Russian)
22. Rodionov V. V., Gutsalov S. Yu. Materialy pogrebenii i sluchainykh nakhodok savromato-sarmatskogo vremeni iz fondov Aktyubinskogo kraevedcheskogo muzeya [Materials of burials and random finds of the Savromatian-Sarmatian time from the funds of the Aktobe Museum of Local Lore]. *Ufimskii arkhеologicheskii vestnik*, 2000, is. 2, pp. 129—144. (In Russian)
23. Sadykova M. Kh., Vasil'ev V. N. Pozdnie prokhorovtsy v tsentral'noi Bashkirii [Late Prokhorovka population in central Bashkiria]. *Ufimskii arkhеologicheskii vestnik*, 2001, is. 3, pp. 55—80. (In Russian)
24. Sirotin S. V. Khronologiya i planigrifiya kurgannogo nekropolya Ivanovskie I kurgany v Zaural'skoi Bashkirii [Chronology and planigraphy of the Kurgan necropolis Ivanovo I barrows in the Trans-Ural Bashkiria]. *Etnicheskie vzaimodeistviya na Yuzhnom Urale. Sarmaty i ikh okruzhenie: materialy VII Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch. konf.* [Ethnic interactions in the Southern Urals. Sarmatians and their environment. Proceed. of VII All-Russia (with international participation) scientific conf.]. Chelyabinsk, Gos. ist. muzei Yuzhnogo Urala Publ., 2017, pp. 132—139. (In Russian)
25. Skripkin A. S. *Aziatskaya Sarmatiya: Problemy khronologii i ee istoricheskii aspekt* [Asian Sarmatia: Problems of Chronology and Its Historical Aspect]. Saratov, Sarat. un-t Publ., 1990. 300 p. (In Russian)
26. Smirnov K. F. *Vooruzhenie savromatov* [Armament of the Savromats]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1961. 166 p. (Materialy i issledovaniya po arkhеologii. Is. 101). (In Russian)
27. Smirnov K. F. *Sarmaty na Ilike* [Sarmatians on the Ilek]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 176 p. (In Russian)
28. Smirnov K. F. Orskie kurgany rannikh kochevnikov [Orsk mounds of early nomads]. *Issledovaniya po arkhеologii Yuzhnogo Urala* [Studies in archeology of the Southern Urals]. Ufa, BFAN SSSR Publ., 1977, pp. 3—51. (In Russian)
29. Tairov A. D. Periodizatsiya pamyatnikov rannikh kochevnikov Yuzhnogo Zaural'ya 7—2 vv. do n.e. [Periodization of the monuments of the early nomads of the Southern Trans-Urals in 7—2 centuries BC]. *Sarmatskie kul'tury Evrazii: problemy regional'noi khronologii. Dokl. k 5 mezhdunar. konf. "Problemy sarmatskoi arkhеologii i istorii"* [Sarmatian cultures of Eurasia: problems of regional chronology. Theses of the 5th Internat. conf. "Problems of Sarmatian archeology and history"]. Krasnodar, OOO "Firma NSS" Publ., 2004, pp. 3—21. (In Russian)
30. Tairov A. D., Botalov S. G., Pleshanov M. L. Issledovaniya kurgannogo mogil'nika Kichigino v 2007 godu (predvaritel'nye rezul'taty) [Studies of the Kichigino burial ground in 2007 (preliminary results)]. *Rannie kochevniki Volgo-Ural'skogo regiona: materialy mezhdunar. nauch. konf. "Rannie kochevniki Yuzhnogo Priural'ya v svete noveishikh arkhеologicheskikh otkrytii". 21—25 apr. 2008 g.* [Early nomads of the Volga-Ural region. Proceed. of the Internat. sci. conf. "The early nomads of the Southern Urals in the light of the latest archaeological discoveries." Apr. 21—25, 2008]. Orenburg, OGPU Publ., 2008, pp. 139—145. (In Russian)

31. Treister M. Yu. Akhemenidskie importy v Yuzhnom Priural'e. Khronologiya. Dinamika. Sostav. Interpretatsiya [Achaemenid imports in the Southern Urals. Chronology. Dynamics. Composition. Interpretation]. *Vliyaniya akhemenidskoi kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V—III vv. do n.e.)* [Influences of the Achaemenid culture in the Southern Urals (V—III centuries BC)]. Moscow, Taus Publ., 2012, vol. 1, pp. 268—281. (In Russian)
32. Treister M. Yu., Yablonskii L. T. K voprosu ob absolyutnoi date mogil'nika Filippovka-I [To the question of the absolute date of the burial ground Filippovka-I]. *Vliyaniya akhemenidskoi kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V—III vv. do n.e.)* [Influences of the Achaemenid culture in the Southern Urals (V—III centuries BC)]. Moscow, Taus Publ., 2012, vol. 1, pp. 282—284. (In Russian)
33. Fedorov V. K. O datirovke 1—4 Prokhorovskikh kurganov [On dating of 1—4 of Prokhorovka mounds]. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik*, 2008, is. 8, pp. 69—90. (In Russian)
34. Fedorov V. K., Vasil'ev V. N. Yakovlevskie kurgany rannego zheleznogo veka v bashkirskom Zaural'e [Yakovlevsky mounds of the early Iron Age in the Bashkir Trans-Urals]. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik*, 1998, is. 1, pp. 62—96. (In Russian)
35. Khabdullina M. K., Malyutina T. S. Pogrebal'nyi kompleks V—IV vv. do n.e. iz Chelyabinskoi oblasti [The burial complex of the 5th — 4th centuries BC from the Chelyabinsk region]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR* [Brief Communications of the Institute of Archeology of the Academy of Sciences of the USSR], 1982, no. 170, pp. 73—80. (In Russian)
36. Yablonskii L. T., Trunaeva T. N., Vedder Dzh., Devis-Kimball Dzh., Egorov V. L. Raskopki kurgannykh mogil'nikov Pokrovka 1 i Pokrovka 2 v 1993 godu [Excavations of the burial mounds of Pokrovka 1 and Pokrovka 2 in 1993]. *Kurgany levoberezhnogo Iлека* [Mounds of the left-bank of the Ilek]. Moscow, 1994, is. 2, pp. 4—60. (In Russian)
37. Jarve M., Saag Le., Scheib Ch., Pathak A., Montinaro F., Pagani L., Flores R., Guellil M., Saag La., Tambets K., Kushniarevich A., Solnik A., Varul L., Zadnikov S., Petrauskas O., Avramenko M., Magomedov B., Didenko S., Toshev G., Bruyako I., Grechko D., Okatenko V., Gorbenko K., Smyrnov O., Heiko A., Reida R., Sapiehin S., Sirotnin S., Tairov A., Beisenov A., Starodubtsev M., Vasilev V., Nechvaloda A., Atabiev B., Litvinov S., Ekomasova N., Dzhaubermezov M., Voroniatov S., Utevska O., Shramko I., Khusnutdinova E., Metspalu M., Savelev N., Kriiska A., Kivisild T., Villems R. Shifts in the Genetic Landscape of the Western Eurasian Steppe Associated with the Beginning and End of the Scythian Dominance. *Current Biology*, 2019, vol. 29, no. 14, pp. 2430—2441. DOI: 10.1016/j.cub.2019.06.019.